

Психоаналитическое внушение есть настоящее обусловливание (conditionnement) пациента: человек, проходящий анализ, невольно подстраивается под желание аналитика, находящего подтверждение своим теориям в историях пациента, создаваемых на кушетке. Лакан широко использовал власть обусловливания со своими пациентами, придававшими глубокое значение его мельчайшим гримасам и издаваемым им звукам. По большому счету, любой психотерапевт обусловливает своего пациента. Главное – осознать это, дабы избежать ошибок. Обусловливание может пойти и на пользу, но может и причинить вред в случаях, когда теории и вмешательство терапевта носят догматический характер.

ЖАК ВАН РИЛЛАЕР

Фрейдистское обусловливание

«Человек с волками», первый сеанс:
«Больной производит впечатление человека
умного, с ясным пониманием. Я спрашиваю его
о причинах, которые побудили его говорить
в первую очередь о том, что связано с его сексу-
альной жизнью. Он отвечает, что это ему извест-
но из моей теории».

*З. Фрейд*¹

«Разумеется, лечением управляет психоаналитик».
«В конечном итоге, в психоанализе главенствует
желание аналитика».

*Ж. Лакан*²

До совсем недавнего времени французские и аргентинские психоаналитики были счастливыми людьми. Это были наверняка самые счастливые фрейдисты на свете. В Аргентине и во Франции насчитывается самое большое количество психоаналитиков на душу населения. Психоанализ там поистине вездесущ: им пронизаны культура, образование, судебная система. Психоаналитиками в значительной степени контролируется как сфера психического здоровья, так и психологическая информация в медиа.

Гроном среди ясного неба для монополистского французского психоанализа стала публикация в феврале 2004 года результатов исследования Национального института здравоохранения и медицинских исследований (INSERM)³. В этом строго научном докладе, составленном экспертами всех направлений, включая и психоаналитиков, говорилось о незначительной эффективности психоанализа по сравнению с поведенческой, когнитивной или семейной терапией. И это касается практически всех расстройств. Для тех, кто был знаком с мировой научной литературой по психоанализу, в заключении, содержащемся в докладе,

¹ Фрейд З. Заметки об одном случае навязчивого невроза. — 1909 // *GW VII*. S. 384.

² Lacan J. *Écrits*. — P. 586, 854.

³ INSERM. *Psychothérapie...*

не было ничего удивительного. Но на взгляд влиятельных психоаналитических бонз, само его опубликование INSERM'ом было совершенно неприемлемо. Ярость фрейдистов обратилась прежде всего на научных сотрудников института, которых они назвали «новыми варварами» и сравнили с нацистами, жегшими книги Фрейда⁴. Вслед за этим они направили свои стрелы в бихевиотерапевтов, до сей поры полностью ими игнорировавшихся. Так, Жак-Ален Миллер, философ и психоаналитик, зять Лакана и глашатай французских лаканистов, писал: «Когнитивно-поведенческая терапия не является, строго говоря, психотерапией, а представляет собой практику переобучения и *обусловливания*»⁵. Роланд Гори, профессор Университета Экса и Марселя, в свою очередь провозгласил: «Когнитивно-поведенческая терапия — это дрессировка по Павлову, добровольное рабство. Политически это очень опасно»⁶. Годом позже гнев фрейдистов заставил министра здравоохранения Франции переместить этот вызывающий раздражение доклад в лимб коллективного бессознательного. Но так ли уж опасны терапевты-бихевиористы? Действительно ли это «дрессировщики», вырабатывающие условный рефлекс и занимающиеся «обусловливанием»?

Следует ли бояться этого ужасного обусловливания?

При обсуждении психотерапевтических подходов, в особенности КПТ, многие психоаналитики используют термин «обусловливание» (*conditionnement*) в уничижительном значении. Для них он равносителен манипулированию. На самом же деле в самом широком смысле это слово происходит от «условия» и означает «то, что обуславливает некоторую вещь, т. е. нечто, без чего она не существовала бы», как определено, например, в философском словаре Фулкье⁷. В научной психологии слово «обусловленность» нейтрально и лишено какой бы то ни было коннотации. Оно обозначает то тип обучения, при котором внешние условия играют главенствующую роль (в частности, в случае «павловского» обучения), то внешние условия, влияющие на появление, продолжительность и исчезновение определенного поведения.

Так, хороший преподаватель «обуславливает» умение читать у своих учеников. Он создает *условия*, необходимые для оптимального обучения: использование простых слов с ясным для детей смыслом, как, например, их имен или имен их товарищей и т. д. При этом он и сам *обусловлен* как ролью, которую на себя возлагает, так и поведением своих учеников. Он согласовывает свои педагогические методы с результатами,

⁴ Keller P.-H. // *Libération*. — 2004. — 21. IV.

⁵ L'Orientation lacanienne III. — 2004. — 24. III.

⁶ Le Monde. — 2004. — 26. II.

⁷ Foulquié P. *Dictionnaire philosophique*. — Paris: PUF, 1962. — P.117.

которых хочет достичь. Учитель и ученики находятся в отношениях взаимного влияния. Таким образом, мы можем говорить о «взаимонаправленном обусловливании».

Небесполезно напомнить, что павловское обусловливание представляет собой тип обучения, в процессе которого один из окружающих элементов приобретает новое значение по ассоциации с другим элементом. Скажем, если вы стали жертвой агрессии и это произошло на паркинге, то этот паркинг приобретет для вас значение опасного места. И возвращение туда, по крайней мере, в течение какого-то времени, будет вызывать чувство тревоги. Другие паркинги, напоминающие первый, будут провоцировать схожую реакцию. А если агрессия была жестокой, то и само слово «паркинг» сможет порождать тревогу. У Миллера и Гори слово «INSERM» с февраля 2004 года вызывает мощный выброс адреналина. Для них определенные «условия» надолго изменили значение этой аббревиатуры. В силу многозначности слова «обусловливание» многие ученые-психологи в наши дни перестали его использовать⁸. Что же касается процесса, изученного Павловым столетие назад, то он превосходно объясняется концептами «значения» и «обучения».

Магия «гм-гм», или Невозможная беспристрастность психоаналитика

Различные виды обусловливания, играющие центральную роль в психотерапии, — как и во всем нашем существовании вообще, — относятся к «оперантному» типу. Это элементарное понятие осталось не замеченным Миллером и Гори, которые были знакомы исключительно с «собачкой Павлова». «Оперантное научение» — это процесс, с помощью которого мы узнаём, что в такой-то ситуации такое-то поведение, или «операция», вероятно, вызовет такой-то эффект. Например, с первых дней жизни мы узнаем, что для того, чтобы нас приласкали, достаточно заплакать.

Работы Скиннера показали, что наша речь есть ничто иное, как оперантное поведение⁹. Под воздействием этих работ психологи изучили влияние, которое внешние условия оказывают на различные формы вербального поведения, их развитие, сокращение или исчезновение. Десятки исследований были проведены между 1950 и 1970 годами по следующей схеме: во время проведения опроса, касающегося дет-

⁸ Например, в моей книге «Психология обыденной жизни», которая популярно излагает полезные данные научной психологии, слово «обусловливание» применяется исключительно для обозначения того воздействия, которое оказывает психоаналитик во время фрейдистского лечения. Для характеристики же КПТ это слово практически не используется. Здесь речь идет только об обучении и о переобозначении.

⁹ Skinner B. Verbal Behavior. — N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1957.

ских воспоминаний, в течение психотерапевтической сессии или какого-то другого разговора психолог, следуя плану, разработанному им заранее и без ведома клиента, каждый раз, когда последний говорил определенным образом, использовал определенный набор слов или затрагивал определенную тему, незаметно приводил в действие некоторый стимул¹⁰. Например, психолог «подкреплял» с половиной испытуемых слова, связанные с семьей, а с другой половиной — связанные со школой и друзьями. Наиболее распространенным «стимулом» в этих экспериментах было бормотание типа «гм», «ага», «а?». Анализ зарегистрированных разговоров показал, что количество высказываний, следующих за подкрепляющими стимулами, значительно увеличивалось, несмотря на то, что испытуемые не отдавали себе отчета в происходящем. При этом испытуемые из первой группы говорили о семейных воспоминаниях намного больше, чем испытуемые из второй, и наоборот. Другому типу исследований положил начало Чарльз Труэкс¹¹. Он проанализировал расшифровку записей психотерапевтических сеан-

¹⁰ См. обобщение первых опытов в *Canfer F., Phillips J. Learning Foundations of Behavior Therapy*. — N. Y.: Wiley, 1970. — Ch. 8.

¹¹ *Truax Ch. Reinforcement and non-reinforcement in Rogerian psychotherapy // Journal of Abnormal Psychology*. — 1966. — Vol. 71.

Слово предоставляется пациентам Фрейда

Насколько мне известно, только четыре пациента Фрейда опубликовали записи, сделанные в процессе лечения. Все они многократно упоминали «обусловливание». Из них первые три — американские психиатры, приехавшие на обучающий анализ, четвертая — американская поэтесса.

Смайли Блэнтон:

«Я поражен манерой Фрейда издавать необычный гортанный звук — нечто вроде похрюкивания, этакое невербальное восклицание, — коротче, модуляции, призванные продемонстрировать его согласие с пациентом, или сочувствие к нему,

не прерывая поток ассоциаций последнего».

«Опять меня поразила способность Фрейда проявлять себя одновременно дистантным и, тем не менее, любящим, теплым и сердечным. Особая манера выражать согласие или одобрение, модулируя нечленораздельные звуки, дает пациенту ощущение того, что его слушают с величайшим вниманием, чувство, что его слова имеют значение и находятся в согласии со взглядами профессора»*.

Абрахам Кардинер:

«В конце первого сеанса анализа, Фрейд меня прервал и спросил:

сов (в данном случае проводимых Карлом Роджерсом). Он показал, что терапевты, даже когда они декларируют свое невмешательство, на самом деле тонко направляют эволюцию речи пациента, не осознавая своего участия.

До 60-х годов еще можно было верить, будто высказывания психотерапевтических или психоаналитических клиентов являются прежде всего выражением их «глубинной» личности. Психологи воображали, что они выступали лишь свидетелями или слушателями. Психоаналитик Ференци говорил, что выступает только «ферментом-катализатором», нужным для раскрытия бессознательного анализируемого пациента. В действительности же психотерапевтические сессии, в которых один человек говорит, а другой слушает, очень далеки от того, чтобы быть «объективными» ситуациями. Бывает, конечно, что слова анализируемого в психоанализе находятся в связи с истинными причинами его трудностей, но при этом эти слова — всегда — тесно связаны с программой аналитика, который его слушает и который хмыкает или интерпретирует сказанное, если «свободные» ассоциации соответствуют его теории. Если же это не так, аналитик хранит молчание или сообщает анализируемому, что тот «сопротивляется». Не давая себе в том отчета, аналитики и анализируемые тонко «обусловлены» теорией отца-основателя.

— Вы заранее подготовились к этому сеансу?

Я ответил:

— Нет! А почему Вы спрашиваете?

— Потому что это было безупречно. Я хочу сказать *druckfertig* [готово к публикации], как говорят по-немецки. До завтра.

Он пожал мне руку, и я ушел, восхищенный идеей, что смог привлечь его внимание>**.

Джозеф Уортис:

«Я сказал Фрейду, что чувствую, что не могу дать мыслям течь свободно и что, несомненно, именно его присутствие заставляет меня думать о сексе и неврозе. Он никак это не

прокомментировал и только сказал, чтобы я продолжал. Мне казалось очевидным, что наши мысли меняются в зависимости от ситуаций и различий в этих ситуациях и что простое присутствие психоаналитика способно вызывать предпочтительно те или иные идеи, те или иные воспоминания».

Он же, пересказывая психиатра Крепелина: «Фрейд начал постукивать по спинке дивана, жест, которым он привычно выражал нетерпение или недовольство»***.

Хильда Дулиттл:

«Особый смысл присутствовал в ма-

Анализируемый подстраивается под желание аналитика и «подтверждает» его теорию

С каких-то пор стало понятно, что все анализируемые по Фрейду «открывают», что их проблематика неразрывно связана с сексуальностью (и/или со смертью); что все клиенты адлерианцев верят, что весь запутанный узел их трудностей заключен в чувстве неполноценности и в желании самоутвердиться с помощью (гипер)компенсаций; что все проходящие юнгианский анализ, признают, что корни их нервозности произрастают из конфликта их «личности» (Persona) и «самости» (Selbst). Анализируемые лаканианцами все до единого подтверждают, что их «бессознательное структурировано как язык»: они грезят и ассоциируют, создавая каламбуры...

При переходе от одного типа анализа к другому меняется не только схема интерпретаций, но и жанр, стиль материала, который анализируемый «обусловлен» предоставлять своему аналитику. Стоит лишь прочесть один за другим случаи, представленные Фрейдом, Адлером, Юнгом, Штекелем, Мелани Кляйн, Рейхом или Ранком, чтобы убедиться, что истории пациентов, построенные аналитиками, говорят о теориях авторов гораздо больше, чем случаи о самих пациентах. С другой стороны, каждым случаем, каждым клиентом аналитик заново «про-

лейшей из его ремарок, в самом ничего не значащем из его жестов».

После того как Дулиттл сама проанализировала сон в течение сеанса, Фрейд ей сказал: «Однако Вы очень умны». Поэтесса записала потом в своем дневнике: «Это не я была умна. Я лишь использовала при решении своего уравнения некоторые из его открытий».

«Он остается спокойно сидеть, как старая сова на дереве. Но вдруг в какой-то момент он неожиданно и слегка тревожно протягивает руку, будто хочет настоять на чем-то. Или же, превращая всегда в „праздник“ то или иное признание, он

поднимается и говорит: „Ну, а теперь мы должны это отпраздновать“. И потом он совершает разработанное им ритуальное действие, заключающееся в том, что он выбирает, а потом зажигает свою сигару»****.

* *Blanton S.* Journal de mon analyse avec Freud. — Paris: PUF, 1973. — P. 26, 68.

** *Cardiner A.* Mon analyse avec Freud. — Paris: Belfond, 1978. — P. 59.

*** *Wortis J.* Psychanalyse à Vienne, 1934. Notes sur mon analyse avec Freud. — Paris: Denoël, 1974. — P. 34, 171.

**** *Doolittle H.* Visage de Freud. — Paris: Denoël, 1977. — P. 64, 137.

веряет» свою систему. И поэтому он все больше и больше убеждается в своей правоте. Вера аналитиков умножается на веру пациентов и усиливается взаимонаправленными обусловленностями.

Приведем один исторический пример. Фрейд изрек: «Рождение—это первый пережитый ужас и, следовательно, источник и модель всех ужасов»¹². Несколькими годами позже Ранк воспринял это утверждение буквально и «открыл», что конечный источник тревоги у всех пациентов всегда восходит к бессознательному желанию вернуться в материнское лоно. В 1924 году он опубликовал книгу, в которой изложил эту теорию. Вот что сказал через тридцать лет после этого психоаналитик Эдвард Гловер в своем знаменитом труде о психоаналитической технике: «Следует напомнить скорость, с которой в период между публикацией книги Ранка „Травматизм рождения“ и тем моментом, когда она была официально забракована, некоторые аналитики сумели донести до своих пациентов „травматизмы рождения“»¹³. Как только теория была официально осуждена, коллеги Ранка перестали обнаруживать ностальгию по материнскому лону.

И Фрейд, и Лакан признали силу внушения аналитика

Фрейда на протяжении всей его деятельности занимала проблема внушения. В конце концов он признал, что психоаналитик занимается внушением. Он ясно говорит об этом в рамках своей теории «переноса». Он пишет, например: «Мы признаём, что наше влияние в сущности покоится на переносе, то есть на внушении», и еще: «Разумеется, верно, что психоаналитик использует в своей работе внушение, как и другие психотерапевты»¹⁴.

В конце жизни у Лакана хватило честности заговорить в полный голос о том, что отрицалось психоаналитиками или признавалось ими лишь наполовину. Он провозгласил:

Психоаналитик—это ритор. Чтобы продолжить каламбур, скажу, что он риторствует (*rhétifie*), что означает, что он выпрямляет (*rectifie*). *Rectus*, латинское слово, вступает в игру с «*rhétification*» (...). То, что я назвал ритором, действует в аналитике только с помощью внушения. Он внушает, что является неотъемлемым свойством ритора, он никоим образом не заставляет принять что-либо существующее. Именно поэтому я обозначил как «ex» то, что сносит, терпит себя только в модусе «ex-sister». Каким образом должен действовать аналитик, чтобы быть достойным ритором? Это и есть тот вопрос, который приводит

¹² Толкование сновидений, добавление 1909 г. // GWII. S. 405.

¹³ *Glover E. The Technique of Psychoanalysis.*— London: Bailliere, Tindall & Cox, 1955.

¹⁴ Лекции по введению в психоанализ (1917) // GW XI. S. 466; Автопортрет (1925) // GW XIV. S. 68.

нас к некоторой двусмысленности. Считается, что бессознательному незнакомо противоречие. Это потому что ведь надо аналитику опереться на что-нибудь непротиворечивое. Я вовсе не говорю, что речь идет об истинном или ложном. То, что создает их оба, и истинное, и ложное, это и есть власть аналитика; потому-то я и говорю, что он ритор¹⁵.

Лакан знал, о чем говорил. Чем известнее и хвалёнее психоаналитик, тем сильнее власть его внушения. В практике Лакана, звезды французского психоанализа, малейший его жест обуславливал, что анализируемые находили «у себя» его теории. Франсуа Перье, который учился у него и на протяжении долгого времени был одним из его любимых учеников, описывая «технику» сверхкоротких сеансов (менее чем пятиминутных), отмечал:

Если наблюдать со стороны, техника могла показаться сугубо произвольной. В ней чрезвычайное значение имели малейшие вмешательства: любой жест, любое нахмуривание бровей уже были посланием. Люди старались завоевать это сокровище: какой-то знак, или фырканье, или слово, такое-то почесывание щеки, вот такое покачивание головой, то, что тебя позвали раньше других, или то, что заставили ждать приема в течение часа. Эта атмосфера постоянного ожидания не переставала удивлять. И поскольку Лакан ничего не говорил или говорил очень мало, то интерпретировались всего его жесты, вплоть до мельчайших¹⁶.

Никакая терапия не застрахована от обуславливания пациента

Возможно ли избежать обуславливания пациента теориями психотерапевта? Практически нет. Главное — осознать его наличие, чтобы не попасть в ловушку. Проблема становится серьезной в том случае, если вмешательства терапевта догматичны и если они подталкивают легковерного пациента в ложном направлении. Такое происходит, например, когда терапевт занимается исследованием воспоминаний или фантазий раннего детства, тогда как было бы гораздо полезнее научить пациента защищаться от манипулятора или освободить его от угнетающих мыслей. Поскольку я — в хронологическом порядке — практиковал и психоанализ, и КПТ, то могу сказать, что зависимость в психоанализе значительно выше, чем в КПТ. Этим объясняется факт, что анализируемые пациенты быстро отказываются от всего того, что привело их на лечение (от расстройств и тревоги, которые заставляли их страдать и от которых очень часто психоанализ не может их избавить),

¹⁵ *Lacan J.* Une pratique de bavardage. Séminaire du 15. XI. 1977 // *Ornicar?*—1979. Vol. 19. — Н. 6.

¹⁶ *Perrier F.* Voyages extraordinaires en Translacanie. — Paris: Lieu commun, 1985.

в пользу целей и задач, поставленных аналитиком: анализировать сны, вспоминать детские сексуальные переживания, научиться принимать симптомы¹⁷. Если «где-то» и практикуется обусловливание мышления, то уж никак не у бихевиористов, а, напротив, у Фрейда и его учеников, многие из которых в гораздо большей степени интересуются властью и деньгами, чем изучением взаимодействий в ходе их бесконечных и дорогостоящих аналитических сеансов.

Перевод Ольги Масловой-Вальтер

¹⁷ Социолог Натан Стерн дает множество примеров такого соскальзывания в своей «La Fiction psychanalytique. Étude psychosociologique des conditions de la cure» (Liège: Mardaga, 1999), очень поучительном труде, посвященном фрейдистским стратегиям «обусловливания» пациентов.